

В. К. Мамонтов

МИР НАМЕРЕНИЙ И ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Мир никогда не станет прежним — есть такая расхожая фраза, мы часто ее слышим. Люди так комментируют какие-то яркие события, которые происходят в их жизни или вокруг них. И чаще всего это скорее эмоциональная оценка, чем аналитическая. Мир в целом штука очень прочная, чугунолитейная. Он меняется, конечно, но медленно, незаметно.

Однако бывают, конечно, такие события, которые реально и очень сильно меняют картину мира. И те, кто говорит: «Мир никогда не будет прежним», имея в виду все, что происходит с нами после 24 февраля, после начала спецоперации России на Украине, имеют основания так говорить. Есть тому некоторые доказательства. Вот эти доказательства я попробую привести в журналистской манере, не научной, не делая каких-то глубокомысленных выводов, а претендуя скорее на некоторую точность и, может, даже художественность своих моментальных снимков. Они будут разные, эти снимки, они будут из разных областей: из общественной жизни, экономики, военной истории, истории в целом. И все они служат как раз доказательством того, что даже такая инерционная конструкция, как мир, действительно может быть подвергнута серьезным изменениям, если на то есть политическая, человеческая воля, сложились благоприятные обстоятельства и имеются способы, возможности для перемен.

Возможности могут быть технологическими, могут быть умственными, интеллектуальными. Но они должны быть. Существует афоризм, который приписывают разным политическим деятелям, он звучит так: «Важны не намерения, важны возможности». Такой подход многое объясняет. Мало ли кто чего хочет, или мало ли кто чего не хочет, но есть ли возможности для достижения целей — это очень важный фактор, и он имеет прямое отношение к ситуации, сложившейся сейчас вокруг Украины.

Ну например, Польша, мы знаем, всегда была снедаема мыслью о том, что это она должна быть империей от моря до моря, о том, что те земли и те области, те кусочки суши и те реки и люди, который живут на той же Западной Украине,

— вообще на самом деле Польша. И хорошо бы вот это все вернуть, прибрать к рукам, но возможностей для этого в течение довольно длительного времени у Польши не было. И вдруг, обратите внимание, эти возможности внезапно появились или, по крайней мере, поляки считают, что они появились.

Их политика изменилась, их ставки политические изменились, их союзники в общем определились железным образом, и даже трудно себе представить, что совсем недавно польские руководители, польские политические деятели, хоть и не любили Россию, но жили не питая иллюзий. Относительно возможностей, например, прибрать к рукам кусочек Украины. Сегодня они об этом точно думают, да вуалируют это, да они должны договориться с НАТО об этом. И тем не менее возможность эта появилась, а уж с намерениями там все было в порядке давно. Вот это очень важная вещь.

Какие возможности, какие намерения возникли у нас, когда мы начинали эту тяжелую, сложную процедуру, именуемую специальной операцией? Она рискованная на самом деле, действительно рискованная. Что тут у нас с намерениями и что тут у нас с возможностями? Давайте посмотрим на это внимательнейшим образом.

Что касается возможностей. Лежат ли они в сфере военной? Ну конечно, слава Богу, с начала 2000-х годов мы времени даром не теряли, хотя бы в военном отношении. Мы много сделали для модернизации армии, не сидели сложа руки, и наши ученые довели до материального воплощения все советские и постсоветские научные наработки. Все, что касается наших ракет, «Сарматов», «Кинжалов» и прочих «Буревестников», — это все у нас пошло в ход, это все достигло уровня изделия. Как говорят на военной приемке: «Изделие военная приемка приняла, изделия летают, изделия поражают цели, изделия решают свои задачи» — и это, безусловно, возможность. Мы опережаем своих противников и соперников в этой гонке. Но! Если у вас есть такие возможности в военной сфере, в прикладной, я бы сказал, военно-технической, означает ли это, что то или иное государство, у которого есть подобные возможности, принимает такое решение? Мол, так,

теперь у меня есть военные средства, я теперь военными средствами все решу в жизни. Да нет, конечно. Конечно нет.

Возникает вопрос: какие такие у нас открылись возможности, помимо «Кинжала», которые столь кардинально изменили наши намерения жить со всеми в мире, построить Евразию от Лиссабона до Берингова пролива, со всеми дружить, в меру пользоваться ресурсами собственными и предлагать их соседям, «Северные потоки» разные строить? В какой момент это намерение трансформировалось в специальную операцию и почему?

Главным образом, я думаю, что эти перемены произошли у нас в головах. По крайней мере в головах тех, кто принимает решения, и в головах тех, кто их поддерживает, кто анализирует действительность, не убегает прочь, пытаюсь спрятаться от нее. «Мир лучше войны!» — говорят нам те, кто удивительным образом не замечал трагедии русского Донбасса. Конечно лучше. Конечно все, что сейчас происходит на Украине, — трагедия. Безусловно, это тяжелейшее испытание и, безусловно, внутри этой истории с военным решением проблем просвечивает история о том, как были упущены в течение многих лет возможности мирного их решения, политические возможности. Но о том, как политическому решению противились, как был торпедирован тезис о Большой Европе от Лиссабона до Владивостока, какой этому был построен противовес, как против этого сконцентрировались враги подобных идей, противники этих идей, нельзя ни в коем случае забывать.

Так что же, собственно говоря, произошло? А произошло следующее: мы больше не можем это терпеть. Не получается. Стало ясно, что если мы и дальше будем проглатывать отношение к России как к второстепенной державе, нас помножат на ноль. Помните, нас бензоколонкой называли, мы обижались и так далее? Тогда было только начало процесса. Вскоре стало понятно: обижаться — это мало. Если мы отнесемся несерьезно к тому, что, собственно говоря, сегодня, сейчас затрагивают наши «партнеры», а это экзистенциальные вещи, сама возможность существования России, то нам не простят потомки — получится, что мы разбазарили, не сохранили наследство.

Склонен думать, как и многие: то, что называется имперской традицией, имперским способом существования, — это, собственно (и не стоит робеть и лукавить, подбирая слова), и есть способ существования России. Многонациональной, гигантской, исторически сложившейся. Невозможно терпеть далее угрозу потери, ну, например, выхода к Черному морю. Или к Балтийскому. Угрозу сокращения до минимума подлетного времени ракет до Москвы. Превращения Украины в ядерную квазидержаву.

При этом нам говорят: вы должны уважать территориальную целостность другого государства. Когда кому-то надо, значит, разбомбить Югославию, это бога ради, это мировая общественность решила, что надо разбомбить. Теперь мировая общественность решила, что не надо покончить с нацистами на Украине. А мы решили, что надо. А нам без этого — никак. Еще раз хочу сказать, изменения произошли в головах, когда вместо позорного мира с международными боевиками была возвращена Чечня. Когда мы поняли, что должны защищать Сирию — и себя в Сирии. Когда возвращали Крым в родную гавань. Такие шаги опираются на безусловную, упрочившуюся военно-техническую составляющую, это важно. Но главные изменения произошли в оценке того, а что, собственно, такое Россия? Ну, никак это не бензоколонка.

Теперь давайте посмотрим, а есть ли у нас возможность выдержать массивные санкции. Здесь бодрых заверений мало. Да, есть политическая воля, есть понимание исторического вызова, мы набираемся решимости и выходим на открытое противостояние с большим, серьезным и очень непростым противником. Потому что угроза абсолютно ясна, она отчетливо просматривается. Но хватит ли у нас сил воевать сразу со многими? И вот здесь нельзя уйти от вопроса: насколько необратимо наше решение быть свободными и самостоятельными? Ибо мы сейчас свободнее многих. Мы сейчас самостоятельнее, сувереннее буквально всех. Но разве что Китай еще есть, да и то, может быть, он более зависимая страна. Вот это очень важный момент. Для того чтобы быть свободными и самостоятельными, нужно иметь силы, крепость

духа, хорошие заделы в экономике, в ресурсах и т. д. Вот здесь у нас есть одна заковыка, о которой я хотел бы тоже обязательно сказать.

Дело в уверенности, что мы поступаем верно, двигаясь в сторону самостоятельности, суверенности, именно так отстаивая собственный цивилизационный путь. Уверены ли мы сами в том, что это единственный и магистральный путь российского развития? Принимая участие в споре интеллектуального рода, я попытался образно сформулировать это и придумал такой вопрос: «Мы берем Мариуполь ради того, чтобы „Икеа“ к нам вернулась, или мы берем Мариуполь для того, чтобы „Икеа“ не возвращалась к нам никогда?» Я понимаю, что это такое своего рода преувеличение, такая умственная заковыка, но мне представляется, что чрезвычайно важная. Может быть, она парадоксально сформулирована, но мне кажется, ответ на этот вопрос однозначен: «Мы хотим быть самостоятельными реально».

Это не нечто постмодернистское. Это не значит, что мы должны отгородиться от мира, построить какую-то стену, вернуться в СССР и т. д. Все эти благоглупости тут же немедленно всплыли на поверхность нашего обсуждения, общественного обсуждения сложившейся ситуации. Не в них суть. Уверенность наша должна быть в готовности не то чтобы затянуть пояса или перетерпеть, хотя, возможно, не без этого, как говорится, посмотрим. Но на деле это история о том, что нужно научиться многое делать самим, не перекладывать «на дядю» решение своих проблем, не торговать своей кровью и плотью, я имею в виду кровь и плоть нашей земли, то есть нефть и газ, для того чтобы получить «блага». («Нефть продадим, а остальное купим».) Хорошо хоть в военной сфере мы на этот тезис не полагались. Хотя, как сейчас помню, «Мистраль» собирались покупать. Мы прошли большой путь от попытки купить «Мистраль» до понимания, что нам задачи надо «решать самому, и это серьезное дело нельзя поручать никому», как поется в старой советской песне про любовь.

Я тут не могу не сослаться на свой собственный опыт. В свободное от работы и написания статей время я отреставрировал старый советский автомобиль «Москвич» 1959 года выпуска. Так я должен вам сказать, что в этом

автомобиле импортозамещено все. Там нет ни одной детали, ни одного винтика, ни одного болтика, который не был бы изготовлен на территории великого Советского Союза. Да, машина в целом абсолютно в русле тогдашней автомобильной традиции. Похожа на некоторые машины в мире. Безусловно, изучались технологии, безусловно, это послевоенная машина и, безусловно, способствовала ее появлению и победа наша и наши проникновения в некоторые святая святых тогдашней прикладной науки. Наверняка некоторые технологии и инженерные решения были подсмотрены. Но в то же самое время, глядя на это довольно сложное для 1959 года устройство — механическое, электрическое и иное, задаешься вопросом: вот у той страны, которая выпускала «Москвич», в то же время был ли гигантский запас прочности, для того чтобы вести политику самостоятельную, суверенную? Стопроцентно да.

Почему сегодня мы не можем со стопроцентной уверенностью сказать себе «да»? По многим причинам. Потому что мы хотели, искренне хотели встроиться в глобальный экономический проект. Получилось ли это? Скажем честно: не вполне получилось. Принял ли нас «цивилизованный» мир? Нет, он толкает нас, чтобы табуретки, автомобили, ракеты и «Кинжалы» и все что хотите мы производили сами. С божьей помощью, безусловно, и с помощью наших истинных друзей. Не покупали, а производили. В конце концов в той же самой «Икее» значительное количество товаров сделано в России. Тогда зачем нам эта марка? Зачем нам это чужое слово? Не знаю. Говорят, что мы таким образом получили и получаем — возможно, Запад и вправду помог — технологии, логистические, маркетинговые ходы. Некоторые подсмотрели, как кто-то винтики закручивает, какие они бывают красивые, значит, тут шагнули вперед. Больше того, есть отрасли, в которых мы действительно сами все не потянем, ни одна страна, кстати, так не делает. Но и здесь маячит вопрос свободы и суверенности. Проблемы, которые сегодня, скажем, у автопроизводителей, вовсе не технологические, не рыночные, а политические, когда «Рено» плачет, теряет доход, но уходит.

Они теряют и прибыли, и рынки. Они не хотели бы уходить, но их заставляет суровая евроатлантическая солидарность своего рода. Они так видят свою свободу: не работать в России, уходить оттуда, откуда скажут.

Ну ладно, дело же в конце концов не только в этом. И не в том, «Рено» уходит или остается. Есть дефицит электронных элементов. Он сложился задолго до спецоперации. А в мире есть монополисты, которые их производят, — и больше никто. Мы не можем допустить, чтобы встало все, что работает на литий-ионных аккумуляторах. У нас сейчас принято решение о том, чтобы построить гигантский завод, наконец-то, и производить эти батарейки самим. Потому что батарейки нам предельно важны — для экзистенциальных функций нам они нужны! А торговая марка «Икеа» нам не нужна для экзистенций, как мне кажется. Без нее можно обойтись.

Сейчас у нас есть такая опасность, мы можем допустить ошибку: от одних продавцов благ переметнуться со своим привычным газом, скажем, к другим. Так мы и сделаем, конечно, в известном смысле. Мир зависит и от нашего газа, и от нашей нефти, и от нашей пшеницы, как выяснилось, да много еще от чего зависит, например от нашего титана, от нашей ядерной энергии, от наших ядерных технологий и т. д. Да, все так. Тем не менее нам придется делать все больше шагов для того, чтобы не терять тренированность, не терять возможность делать и выращивать, и производить самим то, что мы зачем-то покупаем в других странах. Надо заканчивать с историей о том, как мы отправляем по всему миру металл, с тем чтобы завезти сделанные из него гвозди. Надо заканчивать с тем, что мы отправляем куда-то далеко-далеко свой лес — и внезапным образом потом получаем оттуда табуретки. Слава богу, что локализация по табуреткам вроде бы уже российская, но все равно странно. Да, мы не сможем вырастить бананы. Наверное не сможем. Ну давайте покупать бананы. Да, возможно, мы не делаем какие-то первостатейные микрочипы, технологии какие-то, ну давайте их покупать. Так мир не хочет нам продавать их, скажете вы. Санкции! Ну что делать, тогда придется изменить этот мир.

Вся штука заключается в следующем: мы провозгласили, что свободны, самостоятельны и ведем свою собственную, самостоятельную политику. В русле западного цивилизационного проекта мы двигаться больше не можем, противоречия с интересами страны предельно обнажились. Нам кажется, и это правда, что цивилизационный проект, основанный на либеральной идее, либертариански неудобосказуемой, представляется опасным для наших целей. Таким образом, мы говорим этому миру «нет». Возможно, в значительной степени потому, что мир нам говорит «нет». Кто-то оценил наши благие намерения? Знаменитая формула, я уже ее упоминал, «от Лиссабона до Владивостока» была принята или хотя бы рассмотрена? Да нет, в ужас пришли от нее. Почему?

Ответ есть. Дело в том, что мы ведь не закрыться на самом деле хотим от всех. Да, нас вынуждают (мне кажется, к добру) стать более самостоятельными и гвозди производить самим, и не только гвозди. Как, мы знаем, мы же умеем, оказывается. Мы смотрим на наше вооружение и говорим: «Боже, ну ничего себе, смотрите что мы умеем!» У нас доказательства прекрасно работают в ходе спецоперации, хотя это не радостный, не гуманный способ. Но что поделать, бывают и такие способы.

Мир построил глобальную систему — экономическую, политическую, я бы сказал, культурную. Если можно это культурой называть. Построил такую глобальную систему, куда мы, во-первых, не входим ни под каким видом, а во-вторых, нам это преимуществ не дает. Мы вынуждены тогда расстаться с тем, что нам дорого. Со своей самостоятельностью, например, с суверенитетом. А зачем нам это? И вот здесь очень большой конфликт. Но это не значит, что мы не можем создать, мы обязаны создать свою глобальную систему. Эта задачка мудренее, чем реконструировать старый «Москвич» 1959 года. Нет, не его надо восстанавливать. Надо заново создавать свою глобальную экономику, да и сама жизнь ее выстраивает, только надо это понимать и надо это отстаивать, в том числе и на Украине. Что я имею в виду? То, что называется Евразией в противовес американскому миру. Евразия очень мощный игрок, недооцененный. Китай,

Индия, Россия, старая Европа, которую списывают со счетов. Ну если только она самоспишется. Там только самосписание может случиться. Одряхлеет и умрет вместе со своим Евросоюзом и вместе с потаканием американскому дяде как своему безусловному духовному экономическому, политическому и иному лидеру.

Еще раз повторю: именно Евразия, именно евразийский глобализм нам интересен (к нему ничего не мешает присоединиться и Южной Америке). В расширенном варианте БРИКС нам пригодится. Здесь мы можем сотрудничать, здесь понятно, как жить и как уважать друг друга. Обратите внимание, мы проделали гигантский путь с теми же китайцами. У нас и Даманский был, и посмотрите в каких отношениях мы находимся сейчас. Потому что мы развиваемся в одной вселенной. Мы развиваемся параллельно. Мы нужны друг другу. Мы не представляем друг для друга опасности, наконец. И мы постепенно выходим на важнейшие, интереснейшие решения. К примеру, стоит ли поклоняться, ну ладно, дряхлой Европе, допустим — за былые заслуги, за «Битлз» и Моцарта. А американцам? А доллару?

Есть такие самопровозглашенные короли поп-музыки. Кто выбирал королем западной поп-музыки Майкла Джексона? Да никто. Просто он много пел, много выпускал пластинок, а потом сам назвался. У нас в России есть свой король самопровозглашенный — Филипп Киркоров. Да пусть, на здоровье, пусть будет он. Это не несет никакой опасности. А вот самозванные глобальные крупье, которые тасуют все карты... Мне вспоминается фраза из фильма «Покровские ворота»: *Савва, тебе-то зачем это нужно?* Вот мы — как тот Савва. А зачем нам все это нужно? У нас кругом есть собственные задачи, собственные экзистенциальные вызовы. Почему мы должны идти в этом русле, мы что умеем так — за рога и в стойло? Да нет, никогда мы туда не пойдем. Во-первых, потому что у медведя рогов нет, к счастью, и медведь ни у кого разрешения не спрашивает, как мы знаем из одной крылатой фразы.

Ну ладно, это все красивые литературные высказывания. Но нам действительно не нужны некоторые идеологические, идейные и еще какие-то

тенденции, которые нам навязывают в качестве условия вхождения в «цивилизованный» мир. Ну, например, там страшно озабочены перенаселением. И в связи с этим поддерживают любые виды человеческих взаимоотношений, в том числе в личном плане, кроме нормальной многодетной семьи. А нам-то это зачем? Ну зачем это Савве? У нас на огромную территорию 150 млн человек еле-еле наберется! Да нам многодетные семьи нужны позарез.

То, что мы сейчас друг другу рассказываем про Евразию, это страшный сон глобального мира, каков он сейчас. Это конец мировой гегемонии. Вот куда мы влезли, вот что происходит, когда мы штурмуем «Азовсталь». Вот ради чего мы берем Мариуполь. Вот таков мой ответ на эти вопросы.

Не претендую на сколько-нибудь законченные теоретические выкладки. Однако же есть еще один важный момент, про который я не могу не сказать. Когда я сам себе задаю непростые вопросы: «А потянем ли? А сможем ли? А так ли уж нам надо это все, а может быть, мы тут сами себя обманываем, а нам хочется севрюжины с хреном на самом деле?» Думаю, нет. Меня и многих очень беспокоит гибель людей и то, что мы вынуждены решать такими жесткими способами задачи, которые определяют наше будущее, само существование России. Жаль, что мы это мирным способом не научились делать.

Особенно обидно, что воюем славяне со славянами, русские с русскими. Это же разновидность гражданской войны на самом деле. История с «Азовсталью» чему нас, помимо прочего, научила? Когда армейцы наши доблестные собирались уже было штурмовать завод, то главнокомандующий сказал: «Да не лезьте вы в эти катакомбы». И сейчас благодаря этому точному решению, я думаю, сотни, а то и тысячи жизней спасены. Я сейчас не о тех, кто вышел. Эти пленные не особенно интересуют. Многие из них заслуживают суда и самой суровой кары за свои преступления. А тех, кто по ошибке, по глупости оказался там, — ну тоже судить, рассмотреть, вникнуть и дальше решить их судьбу надо. Но! Они живы, и живы те, кто собирался штурмовать их катакомбы. Это очень важный момент. Мы поясняем миру, что мы хотим, кто, собственно говоря, нам противостоит. На Западе люди слушают не только своих

пропагандистов — иногда туда прорываются подлинные кадры, и когда они увидели эти татуировки на спинах и прочих частях тела азовцев, они внезапно задались вопросом: «Мы что, за фашистов что ли? Поддерживаем Украину, накачиваем оружием — фашистов что ли?».

Мелкое, конечно, прозрение. Но на войне позитива вообще мало, и он, позитив, весь такой шаткий, если честно. Но надо ценить его и собирать по крупицам — в одну подлинную правду правого дела. Уверенность в том, что мы выбрали правильный путь, означает: чтобы эту уверенность подкрепить, нам придется пройти этим путем и победить.

Вот такая диалектика.